

Ее принес туман (Excerpt in Russian)

Translated by: Ksenija Komarova

Contact of the translator: xenia.komarova@gmail.com

3.

Когда он наконец-то добрался до склона, ведущему к одинокому двору хозяйства, уже стемнело. Он смог разглядеть только темную горбатую соломенную крышу пристройки. Луч, всю дорогу светивший ему, исходил изнутри двора. В открытом сарае, мастерской, под потолком висела керосиновая лампа. Было ясно, что обитатели, несмотря на поздний час, еще завершили работы. Он мог только гадать, задержал ли их скот или что-то другое. Даже когда он вышел на свет и в нерешительности встал под лампой, он никого не увидел. Он осматривался, прислушивался и ждал. Помещение, в котором горел свет, скорее всего, было кузней. В глубине зияло покрытое сажей жерло камина, на полках рядом с наковальней были разбросаны почерневшие орудия. На секунду ему подумалось, а не та ли это кузня, про которую ему говорили, и ему захотелось выяснить это как можно скорее. Но как на зло во дворе никого не было, да и за стенами было тихо. Он потопал ногами, пытаясь стрясти присохшую грязь с промокших ботинок. Он попытался потереть их об траву, но грязь присохла намертво. Отчаявшись, грязный и нараспашку, он как есть подошел к единственным дверям под козырьком. Постучал – и еще раз сильнее. Никто так и не откликнулся, и он нетерпеливо подергал ручку двери. Заперто.

Он зажмурился и присел, прислонившись спиной к стене.

Сплошное безумие! – он больше ни о чем не хотел думать.

На крючке под соломенной крышей висели снятые подковы разных размеров – с мужскую ладонь и даже больше, а некоторые были стерты до самого основания. К подпорке рядом была прислонена борона. Ее длинные зубья были сточены и блестели, как страшные пики. От дверей до кузни тянулась проволока, на которой мертвым грузом висела тяжелая собачья цепь. Собака, видимо, сорвалась с нее, так как на конце цепи не было ни ошейника, ни крючка, а ее сама, к счастью, нигде не было видно. Неужели это знак, что поместье опустело?! Но ему оставалось только ждать. Он даже и думать не хотел, чтобы вновь сейчас отправиться навстречу темноте и неизвестности. Проникнуть в дом он тоже не мог, ведь неизвестно, кому он принадлежит. И как бы ему ни хотелось тепла и понимания, он боялся молчаливой и глухой пустоты этого дома. Снова появился этот странный, доселе незнакомый ему страх, который обуял его еще в долине. Страх, рожденный из ощущения, что за ним кто-то следит, плодится на его замешательстве и затягивает его все глубже и глубже во тьму. Он боялся, что не сможет больше противиться и этот ужас его полностью поглотит и собьет с пути. В таком случае, сможет ли он вообще вернуться к зарослям вереска, где он спрятал свой чемоданчик, и сможет ли он вообще добраться до Мокуша? Он хотел бы этого больше всего. Больше, чем чего-либо другого. Именно в этих удушающих мгновениях он понимал, что сам не справится, не без Божией помощи. Пару дней назад он не поверил словам отца Йонифация, что Мокуш – его наказание, но сейчас он был уверен, что Мокуш – его судьба. Нужно только выдержать и понять. Нужно хотя бы попробовать. Поэтому без сомнений ему не остается ничего другого, кроме как снова переглядываться с чужим и страшным. А когда он, ищущий нечто в познании новых сил, снова поднял голову, ему показалось, что там в темноте что-то есть...

Да!

Он поднялся и напряг зрение.

Нечто все еще было там. И шло к двору.

И подало голос.

“Ммму!” – замыло.

“Да ладно, – выдавил Йон Урски, – корова!?”

Это и правда была корова. Вместе с ней на свет, падающий из кузни во двор, вышел худой сгорбленный старик. Вокруг его ладони была обернута толстая веревка, ее свободным концом он хлестал корову по шее. Он хмурился, как будто корова уже доставила ему немало хлопот. А животное, наоборот, выглядело лениво и мирно. От ударов она даже не вздрагивала, и уж точно не собиралась поторапливаться. Только изредка она крутила головой, как будто удерживала ее из последних сил. И в такие моменты ее большие глаза казались еще больше. Йон Урски подумал, что это самые грустные глаза, которые он когда-либо видел. Хотя грусть – это не единственное слово, с которым он бы мог их описать. На мгновение ему показалось, что корова сейчас заплачет... Старик подгонял ее, потрясывая кулаком и отгоняя ее к стене, чтобы он наконец смог привязать ее к ограде у кузни.

Йон Урски покашлял и сделал шаг навстречу.

Старик даже не обернулся, хотя точно его уже заметил.

“А я все удивлялся, что это нигде никого нет”, – извиняющимся голосом попытался он объяснить свое смущение.

Мужик даже не глянул в его сторону. Он размял ладонь, в которой совсем недавно вертел поводок. Было слышно, как у него хрустнули пальцы. “Я тебе покажу! – зашипел он корове. – Ты еще у меня получишь!” Он ее уже был готов снова ударить. Затем, почистив ботинки о порог от засохшей грязи, он вошел в мастерскую.

Йон Урски так и стоял там у стены и не представлял, что дальше. То ли незнакомец так упивался злостью, что ничего его больше не интересовало? Или он погряз в своих делах, что до всего остального был глух и слеп? Но делать нечего, и он снова попробовал приблизиться к нему. “Я шел на свет! – произнес он. – Единственный указатель здесь! – он сжал и разжал пальцы. – Не мог не зайти”.

“То есть корова не ваша?” – вздрогнул старик и наконец-то посмотрел на него.

“Моя?” – удивленно переспросил он, глядя в маленькие, удивительно серые глаза.

“Так я и думал! – он отряхнулся. – Как могло быть иначе?” – он снова наклонился и начал прибираться возле камина. Видимо, он хотел его зажечь...

“Если вы подумали, что корова моя, – подчеркнул Джон Урски, – то значит, она и не ваша?”

“Ну, ну! – снова уставился он на него. – Все утро мычала здесь вокруг! – он со злостью швырнул полено. – Прямо в окна лезла, будто я ее не видел. Когда я уж взял хлыст, она убежала, баба! И снова мычала и мычала там внизу! Ну и как тут не понять, в чем дело?”

Йон Урски промолчал в знак согласия, хотя он ничего не понял. Старик, видно, говорил о чем-то, что ему самому казалось разумным. Поэтому он не считал необходимым продолжать разговор. Он уложил дрова на камин и затем топором насадил лучин. Все это время он бормотал себе в бороду, время от времени бросая проклятья в сторону коровы. Йону Урскому, щенком ходившим вокруг него, стало холодно. Он все ждал, когда старик наконец затопит. Однако бес решил теперь прибраться возле наковальни и совсем не обращал внимания на его стучащие зубы. Ему казалось, что он вообще не торопится. Все его действия складывались в некий обряд, для которого необходимо было все точно обдумать и подготовить. Такая педантичность свойственна всем хорошим мастерам, это

Йон знал, но он все никак не мог понять, к чему все это. Вероятнее всего, ему казалось, что старик хочет забить животное. Об этом он его потом в нерешительности спросил.

Мужик впервые полностью распрямылся и посмотрел ему прямо в глаза. На его осунувшемся, покрытом морщинами лице отразилось удивление и насмешка. *“Да вы с Луны свалились!”* – его тонкие и дрожащие губы скривились. – *А я-то все гадал, не пришли ли вы мне на помощь”*.

“Да я только зашел, – поторопился ответить Йон. – Я хотел спросить дорогу, но стемнело... – он пытался увернуться от предложенной работы. – Я бы сейчас отправился дальше, если вы мне подскажете дорогу до Мокуша!”

“В Мокуш?” – прислушался тот.

“Да”, – кивнул.

“Прям в Мокуш?” – он и вправду удивился.

“Да, – снова кивнул. – Я уже весь день ищу туда дорогу”.

Старик отвернулся и долго молчал. Потом снова обернулся к Йону и рассмеялся тому в лицо. *“Если уж вы идете туда вниз, – он махнул рукой в сторону, – если это правда, – изменившимся голосом сказал он, – тогда уж, подождите немного, я ее подкую, – он показал на корову, – а потом, дай Бог, вы на ней и поскачете. Она ведь все равно ринется туда! Да и куда ж еще она, баба, пойдет?”*

[...]

7.

Священник Йон Урски черпаком ударил по дну – но большая миска была уже почти пустая. Его это отрезвило, он отложил ложку и отодвинул тарелку. Писарь Ланшчак поглядел на горку обглоданных гусиных косточек и усмехнулся. Как говорили, так и ели. И, казалось, им было недостаточно. А недовольная хозяйка жена явно не собиралась, к счастью, приносить им добавки.

“Ну и что потом?” – вздохнул священник.

“Потом! – очнулся писарь. – Потом пришло письмо. И в нем Магда сообщала, что ждет ребенка”.

“А!?” – рыгнул Джон Урски.

“Да, да! – кивнул тот. – Марика Страй утверждала, что писем было несколько. И все они были неприятные и недружелюбные”.

Священник снова рыгнул и едва сдержал рвотный позыв.

Его так обеспокоила эта история или он объелся гусяного жира? Да и какая разница – содержимое желудка подбиралось к груди и горлу. Ему хотелось себя вскрыть. Он пересел, почесываясь, и без конца сглатывал. Но ему становилось все хуже.

“Вам плохо?” – заволновался писарь.

“Нет, нет, – сказал он. – Пытаюсь понять, – он сморщился, – что ж это: она ждала от него ребенка?”

“Ну да! – дернулся Ланшчак. – Я ведь вам говорил, мы сможем сказать немногим больше, – он пожал плечами. – Кто бы точно знал? Но, – он почесал макушку, – это еще не главное! Через некоторое время Марика Страй нашла на пороге сверток”.

Священник Джон Урски встал и схватился за живот. Ему было плохо и невыносимо, но должен был слушать дальше. *“Сверток? – выпалил он. – Что это – сверток?”* – спросил, хотя он уже все понял.

“Ребенок был в свертке, разумеется!” – кивнул рассказчик.

Его скрутило, он едва мог пошевелиться. Поганое ощущение, поднимающееся из желудка, разлилось по всему телу, не давая ему сдвинуться ни на дюйм. Когда он понял,

что его точно вырвет, было уже поздно. Он схватил обеими руками пустую миску, из которой они ели, и его стошнило в нее. Он снова весь напрягся, и его вырвало еще несколько раз. Из-за болезненных спазмов у него выступили слезы на глазах, зрение затуманилось, все вокруг он видел как во сне. Писарь прыгал и крутился вокруг него, жена стояла на пороге и громко кричала. Ее ужас звучал, как крик большой, несуществующей и неизвестной птицы. Она была другая – растрепанная и сама злость во плоти...

“Я так и знал, что вам плохо”, – произнес писарь.

Но ему было сейчас гораздо лучше.

И ему было все равно.

Он уселся на придвинутый стул и закрыл лицо руками. Он думал о тысяче вещей и столько же вопросов хотел задать. Но у него совсем не было сил, чтобы все обдумать. Давняя история его и правда взбудоражила. И она его тронула ничуть не меньше, чем все остальное, происходящее в последние дни. Ведь, в конце концов, разве писарь не сказал, что все тогда началось? Однако – что все? Грех любить или ненавидеть? Смерть – спасение или жизнь? Это судьба от Бога или дьявола? Или здесь есть что-то третье, да и то, оно здесь совсем случайно?

“А вы, господин Ланичек, верите этому?” – спросил.

“Чему?” – его лицо было совсем близко.

“Всему, – он не отвел взгляда. – Что это правда было. Что правда был ребенок. И что она с ним мучилась..”

“Знаете, даже если и не хочу... – зашептал писарь. – Ребенок вырос и все еще где-то здесь. Или покойный священник Янош Талабер правда его хотел утопить? Или его спасло доброе сердце поповой дочери Марики Страй, которая воспитала его как родного? Мы этого никогда не узнаем. И поэтому каждый может думать по-своему”.

“А что..?” – он запнулся. – *“А что Магда?”* – снова произнес он.

“Так говорю же! – он еще приблизился. – Огромное количество историй, и все, что мы можем, верить в ту, в которую хотим. Жива ли она и где-то там за горами все еще плачет? Или, как и ее два мужа, она уже на том свете? А может, она где-то бродит между землей и небом и насылает на нас свою ярость?”

Священник Йон Урски отвел взгляд и потер глаза.

“И в какую верите вы?” – спросил.

“Я!?” – вздохнул писарь. – *“Я, конечно же, верю, что это она. Сами подумайте, вас бы отправили в эту Богом забытую церковь?”*

“Погодите!?” – он его схватил за холодную руку. – *“В смысле, она?”*

“Она, – проговорил писарь. – Та, которую принес туман”.